

ленских соборов, принятых и армянской церковью о вторичном крещении еретиков». Мне очень хотелось бы знать, о каких правилах идет речь? Мне казалось, что повторное крещение так же невозможно, как и отказ от однажды принятого. Наконец, на с. 34 своей книги Вида Артуровна, правильно отмечая, что «византийским стратигам обычно запрещалось приобретать поместья в подвластном им округе», делает следующее добавление: «однако Баграт Вхкаци (как затем и Григорий Пакуриан) имел владения в районе Ани и, по-видимому, стремился к феодализации своей должности». Я не знаю, как насчет Баграта Вхкаци, что же касается Григория Пакуриана, то, судя по данным его знаменитого типикона Петрицонского монастыря, он владел землями, которые были не куплены, а пожалованы ему императорами. Среди владельческих документов Григория Пакуриана, перечень которых приводится в типиконе, упоминаются исключительно жалованные грамоты, но отнюдь не купчие (об этом я писал в своей монографии «Очерки византийской дипломатики»⁵), пользуясь, кстати, новейшим изданием типикона, осуществленным Полем Готье, упоминание о котором и оценку которого я тщетно искал в исследовании Вида Артуровны.

Подводя итог всему, что было сказано, я хотел бы отметить, что сделанные мною замечания носят сугубо маргинальный по отношению к главной теме исследования В. А. Арутюновой-Фиданян характер, они ни в коей мере не затрагивают существа работы и не меняют моей общей положительной оценки проведенного исследования. В нем впервые подвергнута глубокому и всестороннему исследованию кардинальная научная проблема, предложена цельная и внутренне единая концепция армяно-византийской контактной зоны в X–XI вв. Являясь плодом большого многолетнего труда, монография должна быть признана оригинальным и важным исследованием, в котором решены проблемы, имеющие большое общекультурное значение, ценным вкладом в мировую византистику и арменистику.

И. П. Медведев

M. Kaplan. Les hommes et les terres à Byzance du VIe au XIe siècle: Propriété et exploitation du sol. Paris; Publications de la Sorbonne, 1992, XL, 630 p., pl., 7 cart.

Полемика между А. Кажданом¹ и М. Капланом по поводу монографии последнего «Люди и земля в Византии VI–XI вв.: Собственность и эксплуатация земли» исполнена обоюдного пафоса чрезвычайной силы. Кто-нибудь может подумать, что полемический задор этих ученых чьи имена не нуждаются в представлении, а содержание книги побуждает к ее повторному рецензированию. И да, и нет — ведь объемистое исследование аграрного строя раннесредневековой Византии, проделанное М. Капланом, само по себе вполне достойно внимания широкого круга специалистов.

Сразу же отметим главную претензию А. Каждана к французскому византинисту А. Каждану негодует относительно неполноты и избирательности, с которыми автор монографии привлекает для изучения издания источников и литературу. Надо подчеркнуть, что этот упрек А. Каждана по своей форме сущности некорректен и избочивает предвзятость рецензента, подчас забывавшего продемонстрировать упущенные историком возможности умножить плоды своего труда: А. Каждан педантично подсчитывает число сделанных в книге М. Каплана ссылок. Увь единственным итогом анализа научного аппарата книги М. Каплана служит вывод том, что тот ориентируется в первую очередь на работы своих учителей — П. Лемеля и Н. Звороноса и напрочь игнорирует исследование советских ученых, включая некоторые устаревшие статьи самого А. Каждана.

Не оспаривая ценности других замечаний и корректив, внесенных рецензентом в концепцию французского византиниста, укажем, что М. Каплан не использовал даже хрестоматийных трудов своих соотечественников: Порою пробелы в историографии столь значительны, что удивляют читателя. Но есть ли смысл пенять ему за это? Вряд ли сорбонский профессор задавался целью исчерпать всю специальную литературу. В его задаче

⁵ И. П. Медведев. Очерки византийской дипломатики (Частноправовой акт). Л., 1988, с. 21.

¹ См.: BS, 1994, vol. 55, No 1, p. 66–95.

входило создание широкого исторического повествования о византийской деревне наподобие позитивистских трудов рубежа XIX–XX вв., духом которых пронизано и собственное исследование М. Каплана. Совокупность собранных им материалов давала надежду на успешное претворение этого замысла, тогда как отдельные частные моменты, к примеру, изменения социального статуса человека на протяжении его жизни, отходили на задний план. Словом, касаясь вопроса о методологии исследования М. Каплана, не нужно возмущаться, как это делал А. Каждан, тем, что французский историк предпочитает уже давно заслужившее признание издание Земледельческого закона, опубликованное В. Эшбернером, обновленному И. П. Медведевым и его коллегами варианту издания этого памятника². Намного важнее было бы уяснить теоретические посылки и логику исследования М. Каплана.

Монография состоит из четырех частей. Первая из них названа «Константы», что подразумевает некие точки отсчета, которыми в воззрениях М. Каплана, судя по объединенным в этой части главам (гл. I–III), являлись природно-географические условия, агрикультура и село как место жительства и центр сельскохозяйственного производства. Во вторую часть под названием «Эра селян» вошли главы (гл. IV–VI), посвященные общей характеристике социальных отношений, точнее отношений собственников земли и эксплуатируемых крестьян в процессе производства, главы о сельской общине и более широко понимаемом «сельском обществе». Третья часть — «Эра динатов», охватывая период IV–XI вв., хронологически совпадает со второй частью, так что некий временной аспект их заголовков разграничивает эти две части не во времени, а по их сюжетам. В главах третьей части книги (гл. VII–VIII) речь идет о трансформации крупной земельной собственности в ходе массовой экспроприации крестьянства. При этом во второй из этих глав (гл. VIII) шаг за шагом рассматривается аграрное законодательство Византийской империи и его социально-политические последствия. Ключевое место в концепции М. Кап-

лана безусловно занимает четвертая часть, которой присвоено символическое название «Очерк интерпретации». Однако необходимо отметить — три главы этой части (гл. IX–XI) по своему содержанию далеко не равноценны. В первой из них (гл. IX) освещаются соответствующие факторы сельскохозяйственного производства. Вторая глава четвертой части (гл. X) решает кардинальную проблему форм и типа эксплуатации крестьянства. А заключительная глава книги (гл. XI) выражает основополагающую мысль ее автора о «блокировании» сельского хозяйства Византии господствующей, как доказывает М. Каплан, в тамошнем обществе идеей автаркии.

Итак, обозревая в целом содержание монографии, нетрудно убедиться в том, что во главу угла французский исследователь ставит взаимоотношения между людьми, социальными группами и общественными институтами, интегрированными в раннесредневековое общество. Вместе с тем, нельзя упускать из виду того, что создатель труда не аккумулировал воедино теоретические посылки исследования, они излагаются от случая к случаю и, как правило, чередуются с фактическими материалами. И потому не всегда бывает достаточно отчетливо выражено, от каких суждений М. Каплан отталкивается и какие положения он доказывает. Так, например, обстоит дело с вопросом о производственном значении мелкого сельского хозяйства. Лишь в заключительной части своей книги по изложению наблюдений над второстепенными факторами развития сельского хозяйства ее автор приходит к выводу о том, что экономическое процветание господского поместья зиждилось на успехах мелкопарцеллярного производства. А это, в свою очередь, послужило предпосылкой для перехода к освещению характера эксплуатации крестьянства в последующей главе (с. 482 и далее). Иначе говоря, французскому византинисту потребовалось выйти на финишную прямую своего исследования, чтобы сформулировать тезис, который давно уже стал краеугольным камнем марксистской медиэвистики.

Наиболее актуальной для исследования М. Каплана, как представляется, должна быть проблема собственности. Недаром вопрос именно о ней автор, сделав на этом логическое ударение, выносит в подзаголовок своей книги. Однако ознакомиться со взглядами

² Ср.: W. Ashburner. The Farmer's Law // The Journal of Hellenic Studies, 1910, vol. 30, p. 85–108; Византийский Земледельческий закон / Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984.

М. Каплана на эту проблему читателю нелегко, поскольку они получают выражение только исподволь, будучи скрытыми в глубине повествования. А потому впечатление от уровня разрешения проблемы собственности в рецензируемой книге может сложиться самое превратное. Никак нельзя пройти мимо красноречивого названия одного из подразделов о мелком независимом крестьянстве: «Собственность не является существенным экономическим фактором» (с. 258). Фактически, с точки зрения М. Каплана, к таковым относится форма эксплуатации крестьянства. И неслучайно на первый план в монографии выдвинуто изучение эксплуатации в широком смысле этого слова. Нельзя отказать французскому историку в определенной логичности, которую он обнаруживает, придерживаясь намеченной линии исследования. Его открывает анализ эксплуатации природных ресурсов и почвы и завершает выяснение форм и типов эксплуатации крестьянства и ее взаимосвязи с характером налогообложения и инвестированием сельскохозяйственного производства.

В воплощении генеральной линии своего исследования М. Каплан выказывает себя исследователем-эволюционистом. Это, несомненно, отражается на приемах анализа изученных материалов, когда ученый без каких-либо дополнительных разъяснений сопоставляет разрозненные сведения источников различных эпох. Особенно разительны примеры выстроенных рядом данных Земледельческого закона или даже ранневизантийских житий и изображений миниатюр греческих рукописей XIII–XIV вв. (с. 41, 52, 278). Естественно, автор монографии, сохраняя верность идейному наследию своих учителей, не допускает мысли о признании развития в Византии феодальных отношений, хотя неоднократно берется сравнивать те или иные стороны исторического процесса в империи и странах Западной Европы. Правда, восточные влияния на аграрный строй Византии почему-то остаются вне поля зрения ученого. Зато дух позитивизма, овевший работу М. Каплана, прекрасно сочетается с юридически-правовым подходом и явным преувеличением значения фискально-функциональных связей византийского общества.

В свете указанных методологических установок исключительно удручающе выглядит сельская община. Хотя в начале посвященной ей главы (гл. V) автор и заявляет о своей

готовности рассмотреть общину всесторонне, а не только ее производственные и податные функции (с. 186), именно последние доминируют в нарисованной ученым картине деревенской жизни. Если не знать того, что одновременно с монографией М. Каплан опубликовал очерк о рождении в ранней Византии христианской общины-прихода³, то тогда для читателя книги духовная роль сельской общины будет сведена к ее крошечной характеристике в качестве «человеческой группы» и столь же краткого описания культовых функций. Причем эти фрагменты книги состоят из изложения, и не более того, нескольких пассажей, заимствованных из трех-четырёх агнографических памятников, главным образом жития Феодора Сиккиота (с. 191–192, 197–198). Вдобавок, где-то во второй части монографии М. Каплан мелком говорит о «коллективе села» (с. 394). Это выражение весьма напоминает расхожую фразу советских византиноведческих трудов времен застоя о том, что «византийская община была сильным сплоченным коллективом». Так же, как и советские византинисты, М. Каплан не задает вопросом о том, что следует считать коллективом применительно к эпохе Средневековья.

Приведенный выше пример показывает, что М. Каплан не сумел сколько-нибудь основательно разобраться в социально-психологической обстановке, сложившейся в ранневизантийской деревне. Несмотря на то, что изредка ученый обращает внимание на социально-политические представления византийцев об их собственном бытии, он не вычленил подобного рода данных источников с тем, чтобы проделать развернутый анализ морально-психологического климата, царившего в среде жителей села. Вместо этого французский историк наделяет всеобщим характером идею автаркии, которую обстоятельно изучает вкуче с налоговой политикой византийского государства. Таким образом, М. Каплан как бы отказывается от наиболее перспективного, с учетом уровня развития современной французской исторической антропологии, направления своего исследования.

Вполне возможно, что сам М. Каплан испытывает наибольшее удовлетворение от своих

³ *M. Kaplan. Le village byzantin: Naissance d' une communauté chrétienne // Villages et villageois au Moyen Âge. Paris, 1992, p. 15–25.*

подсчетов рентабельности хозяйств разных категорий производителей, которые он размещает в разделе о логике автаркической системы (с. 500–520). Не станем обращаться к антологии трудов, создатели которых осуществляли схожие изыскания. В конце концов, все они — почти не удостоверяемые абстракции, своего рода научная фантастика — гипотезы, далеко не всегда приближенные к реалиям жизни землевладельцев. По нашему мнению, если в чем М. Каплан и преуспевает, то это в разработке сюжетов, почерпнутых у своих учителей. К ним принадлежит также проблема происхождения Земледельческого закона. Непосредственным предшественником М. Каплана в изучении этого памятника был Н. Зворонос⁴. Развивая его идею, М. Каплан утверждает, что содержание Земледельческого закона восходит к доюстинианову законодательству (с. 384, 387). И напрасно А. Каждан ополчается против этого вывода, поскольку до полной атрибуции статей Земледельческого закона любые рассуждения о нем будут носить гипотетический характер. Приходится лишь сожалеть о том, что М. Каплан не продвинулся в этом направлении настолько, чтобы страницы о Земледельческом законе принесли известность его труду.

Безусловно, размах и глубина исследования М. Каплана очень быстро сделают его книгу классической. Однако вопрос о приоритете ученого в исследовании аграрного строя Византии ввиду критики А. Каждана остается открытым. И многое хорошее, что можно было бы сказать об этой монографии, ее концепции и результатах, увы, перечеркивает застарелая позитивистская методология, приверженность юридически-правовому подходу и пережиткам фискальной теории, которые то и дело обнаруживаются в толковании исторических явлений. Это последние тяжкими веригами косвало новаторские идеи исследователя — в противном случае они стяжали бы ему честь и славу.

Ю. Я. Вин

I. Shahid. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century.

Vol. 1, part 1: Political and Military History.

Vol. 1, part 2: Ecclesiastical History. XXX + 1034 p. + Index.

Washington, D.C., 1995.

Ирфан Шахид, профессор Джорджтаунского университета (США) и признанный авторитет в одной из наиболее сложных и малоизученных областей византистики, а именно в истории византийско-арабских отношений, не нуждается в особом представлении. Невдалеке вышедший первый том его монографии «Византия и арабы в VI в.» открывает последнюю часть фундаментальной трилогии о взаимоотношениях византийцев и арабов в ранневизантийскую эпоху (или в «прото-византийскую», по выражению автора)¹. Рецензируемая монография является, по существу, комплексным анализом ближайших предпосылок арабских завоеваний во второй половине VI в., которому предполагается посвятить заключительный выпуск трилогии.

В организации материала автор следует оригинальной и уже испытанной манере, апробированной в предыдущих частях трилогии. Исследование по существу представляет собой исчерпывающую сводку сохранившихся сведений источников (нарративных, эпиграфических и др.), важнейшие из которых воспроизведены на языке оригинала (греческом, арабском, латинском) либо в аутентичных переводах, в факсимильных копиях и снабжены лингвистическими, источниковедческими и историческими комментариями. Материал расположен в хронологической последовательности по правлениям византийских императоров (первая часть тома насчитывает восемь глав — по числу правлений с 491 г. по 630-е гг.). Тем самым автор словно воссоздает некую гипотетическую хронику, годный свод событий византийско-арабских отношений. Этот подход определенно предрасполагает исследователя к фактографичности. Однако автор не боится показаться чересчур

⁴ N. Svoronos. Notes sur l'origine et la date du Code Rural // TM, 1981, vol. 8, p. 487–500. Следует также учитывать участие М. Каплана в работе семинара Н. Звороноса, посвященного проблемам Земледельческого закона.

¹ I. Shahid. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington, D.C., 1984; Idem. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington, D.C., 1989.